

УДК 327(510)

ИНИЦИАТИВА КИТАЯ “ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ”: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

З.Т. Мураталиева

Дана характеристика открывшемуся недавно новому этапу геостратегического позиционирования Китайской Народной Республики. Сегодня Пекин уже не отрицает своего стремления стать лидером в нынешнем мировом порядке. Китайская сторона показывает, что КНР становится одним из главных “центров силы” в Евразии.

Ключевые слова: “Один пояс – один путь”; внешнеполитическая концепция; китайская инициатива; “Экономический пояс Шелкового пути”; мировой порядок; форум.

CHINESE INITIATIVE “ONE BELT – ONE ROAD”: PROBLEMS AND PROSPECTS

Z.T. Muratalieva

The article attempts to give the characteristics of the recently opened new stage of the geostrategic positioning of the People's Republic of China. Today, Beijing doesn't deny its desire to become a leader in the current world order. The Chinese side shows that the PRC is becoming one of the main "centers of power" in Eurasia.

Keywords: “One Belt – One Road”; foreign policy concept; “Chinese initiative”; “economic Belt of the Silk Road”; world order; forum.

Прошедший в мае 2017 г. в Пекине форум “Один пояс – один путь” (далее – ОПОП) привлёк внимание как лидеров мировой общественности, так и экспертного сообщества, не говоря уже о представителях медиасферы. По мнению китайской стороны, прошедший форум для Китая имеет намного большее значение, чем прошедший в прошлом году в китайском городе Ханчжоу саммит “Большой двадцатки”. Это показывает, насколько важным данное мероприятие является для Китая. Список участников форума подтверждает, что значимость данной встречи выходит далеко за рамки не только Китая, но и Евразийского континента в целом.

Образы в смысловой нагрузке форума. Прежде всего, следует отметить, что форум является логической цепью стратегической концепции Китая, которую он проводил в последние 3,5 года во внешней политике. В 2013 г., выступая в “Назарбаев университете” в Астане, китайский лидер Си Цзиньпин предложил вместе формировать “Экономический пояс Шелкового пути”. С тех пор во всех углах планеты развернулись дискуссии вокруг новой китайской инициативы. Уже через несколько месяцев задуманный как программный проект Си Цзиньпина ЭПШП, резко трансформировался в своих масштабах.

Проведение данного мероприятия преследует сразу несколько целей:

1. Китаю важно очертить промежуточные результаты реализации ЭПШП с тем, чтобы привлечь крупных мировых игроков и финансовые институты к участию в претворении в жизнь китайской инициативы.

2. Пекину важно продемонстрировать мировому сообществу возросшую роль КНР в глобальной системе. Пекин без преувеличения становится одним из самостоятельных “центров силы”, а реализация собственной модели экономического взаимодействия в виде ЭПШП подтверждает указанный тезис.

Между тем за прошедшее время китайская инициатива “Экономический пояс Шелкового пути” прошла несколько ступеней эволюции. По крайней мере, как показали прошедшие годы, само название инициативы менялось несколько раз. Так, в самом начале в 2013 г. китайская сторона была склонна использовать формулировку “Экономический пояс Шелкового пути” (ЭПШП), делая при этом акцент на два аспекта. С одной стороны, китайские власти подчеркивали, что инициатива касается исключительно экономических вопросов, именно поэтому использовался термин

“экономический” пояс. С другой стороны, предлагая инициативу, Пекин намеревался заручиться поддержкой основных ее участников и предложил связать ее с древним Шелковым путем. Как известно, Шелковый путь практически всеми странами Евразии воспринимается позитивно ввиду того, что он столетиями обеспечивал обмен товарами, культурой, знаниями и обеспечивал жизнеспособность целых цивилизаций.

В конце 2014 г. выявилась новая тенденция: китайские власти стали расширять зону охвата китайской инициативы. Именно в этот период Пекин стал использовать формулировку “Один пояс – один путь”, которой объединял в себе две инициативы – ЭПШП и “Морской Шелковый путь”. А во время проведения форума в Пекине китайские власти и вовсе сократили название до “Инициатива пояса и пути” (с англ. Belt and Road Initiative – BRI).

Так, по мнению эксперта ИМЭП Руслана Изимова, эти изменения продиктованы тем, что в Пекине решили намного расширить охват своей инициативы. Исходя из этого, из ее названия было удалено слово “шелковый”. Теперь участниками китайского проекта могут стать все страны Евразии, и не только.

Также заслуживает внимания и точка зрения российского китаеведа Игоря Денисова, который говорит о том, что “такое наименование позволяет придать китайской инициативе глобальное измерение, причем практически в любой сфере – от торговли и инвестиций до науки и диалога цивилизаций. Про то, что пояс – экономический, можно при необходимости вспомнить, а можно трактовать инициативу как предложение по совершенствованию глобального управления” [1].

Мы видим, что инициатива претерпела некоторые изменения как с точки зрения географического охвата, так и с точки зрения расширения содержательного нарратива, который уже наполнен и вопросами глобального управления и ответственности.

Роль западного направления в китайской инициативе. При этом, говоря о форуме в Пекине, важно понимать, что китайские власти не намерены противопоставлять что-то Западному миру. В частности, как пишут китайские СМИ, проводя форум, Пекин намерен получить отзывы и оценки китайской инициативы, которую КНР проводит с осени 2013 г.

При этом акцент также делался на том, что форум не несет какой-либо антизападной направленности. Действительно, среди участников форума в Пекине было представлено достаточно мало

западных держав. Так, из числа стран G7 на мероприятии принял участие премьер-министр Италии, но вместе с тем в форуме принял участие директор-распорядитель МВФ, а также президент Всемирного банка.

Более того, как заявил глава МИД КНР Ван И, “главной целью форума является достижение консенсуса в сопряжении между национальными, региональными и глобальными планами развития”. В последнее время политический истеблишмент Китая все чаще стал говорить о разделе ответственности за мировые дела. В частности, предлагая инициативу ОПОП, китайские власти четко обозначают: ОПОП не является “сольным проектом”.

Свидетельством сказанному может быть то, что созданные Китаем финансовые структуры, такие как АБИИ и Фонд Шелкового пути, тесно сотрудничают с западными институтами, включая Всемирный банк, МВФ и АБР. Иными словами, проводя форум, Китай пытается реализовать политику “вовлечения” западных стран уже в свои механизмы, финансовые, экономические и геополитические.

Между тем важно понимать, что, несмотря на определенные изменения в названии китайской инициативы, основной акцент в китайской инициативе по-прежнему будет делаться в направлении Запада. Как известно, на данном этапе все без исключения направления сотрудничества стран Центральной Азии с Китаем стали осуществляться в рамках инициативы ОПОП. Ее цели и задачи в настоящее время играют роль полноценной стратегии КНР в Центральной Азии. И, несмотря на появление многочисленных маршрутов китайского экспорта, центральноазиатский коридор будет планомерно развиваться. Это значит, что страны Центральной Азии как были важным направлением реализации китайской инициативы, так и остаются.

Новые тренды и итоги форума. Как бы политики не характеризовали данный форум, мероприятие уже прошло и пришло время подводить итоги.

В целом, форум и деятельность китайской стороны вызвали неоднозначную реакцию у разных наблюдателей. Не секрет, что часть экспертного сообщества достаточно скептически оценила итоги форума, не увидев в нем никакой конкретики и деталей. Другая часть, наоборот, с восторгом встретила как сам масштаб мероприятия, так и планы китайской стороны по увеличению финансирования новых проектов в рамках ОПОП. Конечно, существуют и трезвые оценки происходящих изменений по линии проведения китайской инициативы.

Российские эксперты в целом достаточно негативно оценивают итоги пекинского форума. Справедливости ради стоит заметить, что многие тезисы имеют под собой основу. Так, Китай заявлял о большом количестве проектов, которые так и не перешли в практическую стадию. И в Москве, в первую очередь, вспоминают про проект века – “Сила Сибири”, или высокоскоростная магистраль Москва – Казань. Как отмечает руководитель программы “Россия в АТР” Московского центра Карнеги А. Габуев, “Пекин пока никак внятно не отреагировал на список из 40 транспортных проектов, который подготовили правительство РФ и Евразийская экономическая комиссия” [2].

Другой аспект связан с бойкотированием форума со стороны лидеров Индии, Бразилии, Южной Африки и большинства глав правительств стран “Большой двадцатки”. Еще более жесткую критику российских экспертов вызывает отсутствие какой-либо конкретики, содержания в этом громком названии “Один пояс – один путь” [3]. Аналитики вопрошают: почему в итоговой декларации нет конкретики? В чем вообще смысл инициативы и почему до сих пор нет ответов на тысячи вопросов о цели проекта?

Тем не менее, пока многие эксперты говорят о конкретике, которой не хватает, центральноазиатские страны уже в полную мощь реализуют отдельные проекты. К примеру, в ходе визита президента Узбекистана в КНР было подписано более 100 соглашений и контрактов на общую сумму в 23 млрд долл. США в таких сферах, как энергетика, нефтепереработка, модернизация электростанций, сельское хозяйство, нефтехимия, транспортные коммуникации и др.

В рамках развития “Экономического пояса Шелкового пути” Кыргызстан договорился о переносе избыточных мощностей Китая. На данный момент разрабатывается детальный план по возобновлению работы 44 предприятий Кыргызстана, исходя из анализа состояния на настоящее время, параллельно проводится модернизация Бишкекской ТЭЦ, строительство альтернативной дороги “Север – Юг”.

Казахстан продолжает реализацию программы “Нурлы жол” в связке с ОПОП. Говоря о сотрудничестве с КНР, известный казахстанский Китаевед К. Сыроежкин подчеркнул, что “только за два последних года Казахстан подписал с Китаем контрактов на 48 млрд долларов, а общий объем китайских инвестиций в экономику Казахстана превысил 70,6 млрд долларов” [4]. Также реализуется казахстанско-китайская инвестиционная программа сотрудничества, которая предполагает

перенос производственных мощностей с территории Китая на территорию Казахстана (51 проект) на общую сумму 26,2 млрд долл. США [5, с. 152].

Как видно, если говорить о Центральноазиатском регионе, тезис об абсолютной неэффективности ОПОП не выдерживает критики.

Можно согласиться с мнением эксперта ИМЭП Русланом Изимовым о том, что “в китайской инициативе много неясностей. Итоговый документ действительно написан полностью в китайском стиле и не отражает каких-либо конкретных деталей относительно дальнейших планов. Но в то же время, эту конкретику мы можем видеть в двусторонних соглашениях с каждым из участников инициативы ОПОП”.

Исходя из этого, стоит отметить, что форум, несмотря на свою официальность, торжественность и некую декларативность, все же дал ответы на некоторые актуальные вопросы.

Во-первых, обозначились границы возможностей Китая в финансировании многочисленных проектов. Так, китайские власти не двучечно подчеркнули, что теперь финансирование того или иного проекта будет тщательно прорабатываться. Об этом говорил и премьер госсовета КНР Ли Кэцян, и первый вице-премьер госсовета КНР Чжан Гаоли, и ведущие китайские эксперты.

Во-вторых, Китай вновь обозначил, какие страны и регионы в рамках ОПОП являются приоритетными. Судя по деталям форума, наиболее важным приоритетом для Китая является Пакистан и китайско-пакистанский коридор с выходом в порт Гвадар (экономический коридор Китай – Пакистан). Второй приоритет – это все-таки страны Центральной Азии, через территорию которых проходят основные коридоры в Европу и Иран (Китай – Центральная Азия – Западная Азия). Монголия особо выделялась китайской стороной в свете не менее важного проекта Шелкового пути КНР – Монголия – Россия.

Россия, несомненно, выделяется как одно из приоритетных направлений сотрудничества. При этом отметим один нюанс. Проект так называемого “сопряжения” ЕАЭС и ЭПШП почему-то нигде не упоминается. Это рождает резонный вопрос: всеми пропиащенное сопряжение отменяется? Или будет новое сопряжение? Каковы перспективы взаимодействия России и Китая в рамках китайской инициативы? Именно эти вопросы остались без ответа. В этом плане следует заметить, что определенная негативная оценка российских экспертов выглядит вполне логичной.

В целом, как видно из изложенного, проведенный в Пекине форум “Один пояс – один путь”

открыл новый этап внешнеполитического позиционирования Китая. Сегодня Пекин уже не отрицает своего стремления стать лидером в нынешнем мировом порядке. Ведь Китай сегодня является одним из наиболее крупных двигателей мировой экономики. Проведя форум и пригласив широкий круг мировых и региональных держав, китайская сторона показывает, что КНР вновь становится главным “центром силы” в Евразии.

Литература

1. *Денисов И.* Председатель пути. Что инициатива “Один пояс – один путь” означает лично для Си Цзиньпина и его власти / И. Денисов. 19.05.2017. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=70025> (дата обращения: 24.05.2017).
2. *Габуев А.* Шелковый путь в никуда / А. Габуев // Ведомости. 15.05.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/05/15/689763-shelkovii-put> (дата обращения: 17.05.2017).
3. *Коростиков М.* Скорый пояс Москва – Пекин / М. Коростиков. 12.05.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3294247> (дата обращения: 22.05.2017).
4. URL: <http://cabar.asia/ru/konstantin-syroezhkin-kazahstan-i-kitaj-analiz-poslednih-dogovorennostej/> (дата обращения: 23.05.2017).
5. *Исаматова А.Т.* Центральная Азия в политике России, США и Китая / А.Т. Исаматова // Вестник КРСУ. 2017. Т. 17. № 2.